

Действие происходит в Китае 18 века.

Действующие лица:

Поэт (в молодости 16 лет и пожилой 72 года),

Вэньчан – звёздный князь, покровитель литературы,

Матушка (её голос), Луань (птица феникс, женская сущность феникса), журавль, цветы мейхуа, бамбуки, лотосы, звёзды, деревья, кисточка для каллиграфии, волны.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

На сцене Поэт в пожилом возрасте с красной книгой в руках.

Поэт в пожилом возрасте (*обращаясь в зал*). Дорогие мои внуки и правнуки, частенько я рассказывал вам о моём детстве, весёлое было время, а вот о юности своей упоминал вскользь, слишком много бед обрушилось на меня сразу. Сначала матушка умерла, потом дед и отец. Я не умел вести дела, меня все обманывали, и я разорился совсем, в довершение всего меня ограбил мой сводный брат, сын наложницы отца. Девушку, которую я нежно любил, выдали замуж за другого. В таком расстроенном состоянии я не смог пройти «кэцзюй», я завалил самый первый уровень экзаменов. Я не смог написать стихотворение. Вот поэтому я вам и не рассказывал. Ведь вы все спрашивали меня: «Дедушка, а как же вы стали знаменитым поэтом?». А я должен быть для вас как глава рода авторитетом. Но теперь, на закате моих дней я понял, что должен поведать эту историю вам и всем вашим потомкам. И написал для вас вот эту красную книгу. (*Открывает книгу, читает*) Итак. Глава первая. В хижине. Мне было шестнадцать лет, и казалось, что жизнь моя кончилась, а впереди только жалкое существование...

СЦЕНА ВТОРАЯ

На экране тёмный лес, сосны под ветром и снегом, видна хижина с огоньком света. Слышатся завывания ветра под звуки флейты.

Голоса деревьев. Какой жуткий ветер! Он ломает наши ветки, гнёт к земле, снег давит, а у человека свет в хижине, печка дымится, ему нипочем наши стоны... Как люди бесчувственны...

На экране хижина изнутри, окно с бамбуковой занавеской, на стене картина с Луань-няо (фениксом).

За столиком сидит, сутулившись, главный герой в юности, пьёт вино из маленькой чашки, наливая из кувшина. Слышны завывания ветра.

Поэт. Весь вечер не утихает ветер, холод и тоска... и подогретое вино не спасает. До чего же жутко скрипят сосны, того гляди раздавят мою хижину! (*Вздрагивает, поёживается*) Как ни жалка участь бедняка, но участь богатого человека, потерявшего в жизни всё, печальнее. Даже мальчишка, у которого покупаю рыбу, смеётся надо мной, и я дров не умею толком нарубить. Ещё год назад я был счастлив, богат и беспечен, слуги подносили мне еду, одевали, заботились о моём уюте. Я был любим, а теперь я здесь, в холодной хижине, ничего и никого у меня не осталась, а из всего богатства только картина, подаренная матушкой в дни моего детства с пожеланием благоденствия. Любила она о птице Луань стихотворение мне читать, а я всё просил и просил повторить.

Звучит голос матушки. Среди скал, как иглы, вросших в небо
На выступе крутом есть дерево,
Корнями вглубь земли, стараясь прорасти,
Соединяет землю – небо.
Под ним дракон, свернувшись, лёг на отдых
А в кроне вечно молодой
Поёт под шум ветров и рокот речки
Та птица, что зовут Луань.
Она о нас всё знает изначально
О наших странствиях, стремленьях к красоте
И ждёт смиренно, чтобы к людям опуститься,
Когда они найдут гармонию в душе.

Поэт. Но даже на эту картину я не могу смотреть без слёз: слишком горько вспоминать дни беззаботного детства. *(Вздыхает)* Все мои развлечения – это чтение книг. Почитаю древних, открою чужие строки наугад, пусть они что-нибудь да подскажут бедолаге. *(Открывает, читает. Параллельно чтению тихо, фоном звучит древняя мелодия – звук флейты)*

Тяжко-госклливо, безрадостно-больно
Покидать бывшее и ожидать чего-то нового!
Всеми забытый,
В чужих краях, без близкого друга,
Столь невесело-нерадостно,
Что сам скорбишь о себе.¹
Да, это же обо мне!!! *(Перелистывает страницы. Опять читает)*
В одиночестве предаюсь тоске –
Не с кем поговорить!
Всю ночь мечусь-ворочаюсь –
Никак не уснуть.
Душа изнывает-изводится
До самого утра.²

Под завывание ветра с картины исчезает Луань-няо. Поэт поворачивается к картине и с удивлением и ужасом подходит к ней ближе.

Поэт. Да что же это? Даже на картине благоденствие покинуло меня – улетело за четыре моря, пёрышка не оставив. О бессмертные, дайте мне знак, как жить дальше, нет у меня ни отца, ни наставника...

Садится за стол, обхватив голову. Звучит музыка, на сцене из складок занавеса появляется Луань-няо, от её перьев исходит сияние. Поэт с радостью и удивлением вскакивает.

Поэт. Ты не покинула меня, сияющая птица, посланница богов!

Танец Луань-няо в синем свете. Поэт счастливый засыпает. Луань-няо подходит к нему, кладёт нежно крыло (рукав) на голову поэта.

Луань-няо *(голосом матери)*. Спи спокойно. Сегодня ночью произойдёт чудо!

Свет выключается. Звучит музыка. Луань-няо уходит.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Розовый свет в темноте на середине сцене.

Цветы мейхуа *(голоса из записи, эхом издаലെка)*. Холодный ветер стих, а восточный ветер согревает и ласкает наши оголённые ветви, из глубины земли стремится по ним сок, набухают почки, и медленно и робко распускаются наши бутоны, румяные от мороза, мы так нежны, но смелы и так хотим весны, что не боимся снега.

Медленно выходят цветы Мейхуа, окружают поэта.

Цветы мейхуа. Мы станцуем для тебя, поэт. *(Все голоса повторяются, как эхо)*

Голос поэта. Да разве я поэт?

Цветы мейхуа. Ты им скоро станешь. *(Смеются нежно. Танцуют в розовом свете. Свет выключается, цветы убегают, зажигается свет лампы)*

Поэт *(потягиваясь)*. Наконец-то мне приснился счастливый сон. Ко мне прилетала посланница счастья, судьба дала знак надежды. Как будто матушка меня обняла. *(Помолчал и вставая, распрямляет плечи)* Однако утро, ветер стих. Раздвину занавеску.

На экране появляется на снегу цветущая красная мейхуа. Звучит музыка.

Поэт. Какое чудо! Слово льд в груди растаял, радость разливается по телу, как запах крепкого чая! Сколько же стихов написано о мейхуа, все и не вспомнишь, но сегодня собственные строфы пробиваются, как родник. Удержать их не могу. *(Читает стихи подбирая слова, сочиняет на ходу)*

Дремлет природа под снегом,
Вести приходят из сада,
Первые вести весны.
Там Мэйхуа пробудилась:
Там по воскресшим побегам –
Россыпи розовой яшмы
С солнечной стороны.
Полураскрыты, воздушны,
Нежно цветы засияли,
Тонкий, едва уловимый,
Льётся вокруг аромат.
Словно красавица вышла –
Нет ни забот, ни печали –
Тут же, в саду, примеряет
Новый весенний наряд.³

Занавес.

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ

Поэт в пожилом возрасте *(перелистывает книгу)*. Глава вторая. Пробуждение.

Музыка. Свет гаснет и на сцене появляется пейзаж с хижиной снаружи.

Поэт в пожилом возрасте. Жизнь моя изменилась, я много бродил по окрестностям, предаваясь созерцанию гор, звенящих ручьёв, водопадов, рассветов и закатов. Ноги мои окрепли, и от самых простых занятий получал я удовольствие. Новые впечатления от единения с природой наполняли меня, словно ароматный горячий чай пустую холодную чашу. И каждый день рождались новые цветы и чудесным образом строчки стихов, словно слёзы, выливались из души и очищали сердце. Когда за окошком лили весенние дожди, похожие на прозрачные струящиеся нити шёлка, которые невозможно перерезать, длинные тяжёлые думы терзали меня, и тоска острыми шипами вонзалась в сердце. Тогда, чтобы утешиться, я сочинял сказочные истории и рассказывал их моей Луань-няо. А может быть, это она навевала мне истории о дальних странствиях на кораблях, о полётах драконов и прекрасных феях. А как только прекращался сильный дождь, я выходил из хижины, подставляя ладонь под капли. Небесная вода напитывала меня новыми силами.

Поэт выходит на сцену и садится на землю. На экране – горы и солнечное небо.

Поэт. Буду наслаждаться завтраком под ветвями персикового дерева и слушать песню иволги.

Звучит песня иволги:

Гляжу я на горы,
И горы глядят на меня,
И долго глядим мы,
Друг другу не надоедая.⁴

Поэт разворачивает сверток, ест. К песне иволги присоединяется флейта.

Поэт. Стихает ветер. Сады одеты
в нежно-зелёное платье;
Весенние краски едва стусились
и вновь безнадёжно тают.

Поэт встаёт, вдыхает полной грудью и проводит руками, как бы принимая энергию солнца (движение из цигуна – спускание ци вниз к даньтяню).

Поэт. Как радостно в покое жить.
Но отчего о дальней стороне
В душе храню заветную мечту?

Хочу взглянуть на бег бурлящих вод,
На чёлн, что спорит с бурей грозовой,
Услышать стаи журавлиной взлёт,
Напуганной звенящей тетивой.

Звучит музыка странствий. Занавес.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Поэт в пожилом возрасте (*перелистывает страницу, читает*). Глава третья. Начало странствий. (*Садится и смотрит*)

Поэт молодой идёт с корзиной и удочкой.

Поэт. И здорово же научился я удить рыб! Вот оно озеро, в дни весеннего равноденствия рыба должна плескаться и хорошо ловиться, обменяю улов на миску горячей лапши в деревне. (*Делает несколько шагов, глядя вдаль*) Да что это? Никак журавли танцуют!

Появляются журавли, танцуют. Один из них взмахивает во время танца только одним крылом. Поэт направляется к ним и они, взмахнув крыльями, изображают полёт. Один остаётся.

Поэт (*приближаясь к журавлю*). Послушайте, господин журавль. Может быть вы Дин Лин Вей, постигнувший Дао и превратившийся в священного журавля? Вы остались со мной, чтобы стать моим учителем? (*Ходит за журавлём, подражая ему. У него получается не очень хорошо и иногда смешно. Журавль пытается улететь, взмахивая одним крылом*) Эх, друг, да ты ранен. Крылышко повредилось. Неужели ты тоже пострадал от людей, как и я? Да, люди немилосердны. Не бойся, я тебя не обижу. Будь же моим другом и товарищем по странствиям. Ночью буду охранять твой сон от врагов, буду для тебя рыбку удить, и мы будем странствовать вместе... (*Садится на сцену, журавль становится рядом, укрывая его крылом*)

Поэт в пожилом возрасте. Так у меня появился спутник, скрасивший моё одиночество, разделяющий мои радости, слушатель моих стихов. Немало мы встретили вместе рассветов и закатов. Наблюдали, как распускаются абрикосы и пионы, любовались танцами бабочек, прятались от ливней в шалашах, слушали песни кукушек. Я собирал вишню и угощал журавля. Наконец, настал мой любимый праздник пробуждения лотоса.

На экране видео: распускается лотос.

Ты посмотри, братец журавль,
как чист и светел лотос,
И ты поймёшь,
как сердце остается чистым!

Лотос (*голос шёпотом издалека*). Из почвы илистой, сквозь толщу тёмных вод
я проложил к тебе дорогу.

Звучит музыка, лотосы на экране раскрываются.

На экране шелестит бамбук. Журавль гуляет по сцене.

Поэт. Сколько раз мы видели с тобой, братец журавль, бамбук, но не задумался я ни разу, как же совершенна его форма, он пуст внутри, но прочен и гибок, его можно наполнить и водой, и музыкой. *(Звучит флейта)* Так и я наполняюсь гармонией, стирая свои тревоги и воспоминания, словно пыль.

Звучит флейта. Бамбуки выходят на сцену и окружают поэта и журавля.

Бамбуки *(голоса издали шёпотом, эхом).* Мы споем для тебя поэт, сочини о нас стихи, сочини стихи о нас, сочини... *(Поэт достаёт бамбуковую флейту и играет на ней. Звучит его голос в записи)*

Поэт. С какою нежностью колышется бамбук,
Не уставая успевать за ветерком.
И переглядываясь с соснами тайком,
Он издает пустотным стеблем тонкий звук.⁵
(доносится звук бамбука)

На экране ночное звёздное небо. Слышно пение цикад.

Поэт в пожилом возрасте. Чем дальше мы уходили на юг, тем длиннее становились ночи. Мой друг журавль засыпал под ночным небом, а я запекал рыбу на костре и ещё долго наслаждался ночными звуками: пением цикад, плеском воды, тихим шелестом листьев и беззвучной музыкой звёзд. Да, это была музыка, которую слышишь не ушами, а сердцем. *(Звучит музыка)* Однажды мы ночевали высоко в горах.

Поэт *(поворачивается по кругу, глядя на небо).* Надо мною луна
Неба синий покров,
Мне не надо вина,
Я хмелён от стихов. *(Садится на сцену)*
Что мне люди? Со мною журавль,
С ним идти и идти в неизвестную даль.
Что мне люди? В мерцании звёзд
Тёплый ветер печали и скорби унёс.
Кажется, чуть подпрыгну и дотянусь до звёзд, такими близкими стали они в горах. *(Подпрыгивает)*

Звёзды. Мы станцуем для тебя танец.

Звёзды мерцают, звучит музыка.

Занавес.

Поэт в пожилом возрасте. Наступил месяц конца жары. В это время облака необыкновенно причудливы. Мы сидели на привале, когда мне почудилось или правда, я услышал голос моего друга.

Журавль *(склоняясь к поэту. Голос издали).* Ах, как я тосковался по морскому ветру, несущему меня над миром, по южному краю тосковался, тосковался...

Журавль подпрыгивает, машет крыльями и убегает со сцены.

Поэт. Куда же ты? *(Бежит за ним)* Прощай! *(Кричит, подняв голову вверх)*
Так из глаз ты исчез,
как сошедший у дома снег.
Улетел высоко,
Подхваченный ветром.
Оборвался и крик
среди лазоревых облаков.⁶

Звучит печальная музыка.

Поэт в пожилом возрасте. Я вновь остался один. На сердце тоскливо, а стихи безмерно грустны и некому их прочитать, некому. Да и кому нужны мои причитания? Я всё шёл и шёл по дороге, наступил месяц белых рос, птицы улетали на юг, и я как птица направлялся туда же, но зачем?

Глава Четвертая. Испытание в джунглях.

На экране лес. Звучит курлыканье журавлей.

Поэт. Что это? Журавли кричат или поют неведомые духи? Не мой ли там журавль? Я иду к тебе, мой друг!

Поэт в пожилом возрасте. Так я впервые сошёл с тропинки и устремился в дебри на зов журавлей.

Вокруг десятки сотен деревьев, устремлённых в небо, и не видно под ногами тропинки.

Курлыканье смолкло, слышны звуки джунглей — крики обезьян, рычание медведей, урчание панды, рёв тигра. Поэт вздрагивает, замирает, бежит от звуков. Музыка тревожная.

Звучат за кадром слова поэта. Чащоба неприступна-непроходима, тигры и медведи рычат и подкрадываются, гигантские змеи вот-вот набросятся. В непролазных зарослях лесной чащобы я бреду, карабкаюсь и дрожу от страха. Цепкие деревья преграждают путь, и макаки жалобно смеются или плачут. И тысячи тварей воют свои песни. Сердце колотится, словно варится в кипятке.

Деревья (голоса мужские и женские звучат эхом). Он нас боится, он нас боится, нас боится...

Поэт мечется по сцене, то налево, то направо, запутываясь в занавесе, танцоры-деревья в коричневом и зелёном преграждают путь бамбуковыми палками, опутывают шарфами, хлещут ветками.

Поэт. Где же тропинка, где дороги? Я заблудился, мне не выбраться из леса. Помогите!!! (Видит Вэньчана, плавно скользящего по сцене, но деревья не пускают поэта)

Деревья (разными голосами. Как бы обсуждают, голоса доносятся издалека). Это же сам звёздный князь Вэньчан! Смотрите! У него в руке волшебный жезл, он может исполнить любое желание. Любое желание, любое желание поэта.

Вэньчан исчезает.

Поэт (падает и кричит). Пойдите!

Вэньчан появляется в другой части сцены, поэт ползёт к нему, музыка смолкает. Звуки леса спокойные, только птицы поют.

Поэт (с мольбой в голосе). Почтенный господин, не смогли бы вы оказать мне милость и вывести заблудившегося путника из дремучего леса?

Вэньчан подходит к поэту и помогает ему встать. Поэт кланяется Вэньчану.

Вэньчан. И куда же ты направляешься, молодой господин?

Поэт. Я услышал курлыканье журавлей, побежал на их зов и заблудился!

Вэньчан. Так на что тебе журавли?

Поэт. Я думал, что там мой друг журавль, с которым мы странствовали вместе, пока у него не зажило крыло. Сердце моё тоскует по нему, ибо у меня больше нет друзей. Почтенный господин, сразу видно, что вы мудрый старец, научите меня, как излечиться от тоски. Говорят, в этих дебрях растёт травка, дающая весёлость, кто её съест, хохочет беспрерывно. Не покажите ли мне эту травку?

Вэньчан. Ты меня удивил, юноша. Неужели ты всю жизнь хочешь хохотать, как дурачок? Я давно наблюдаю за тобой, ещё с тех пор, когда ты жаловался на судьбу в своей хижине. И знаешь, почему я тебе помог? Ты читал стихи древних. Ты смог прочитать чужие стихи! Как же не помочь образованному человеку, попавшему в беду...

Поэт. Неужели почтенный господин сам Вэньчан? Как же я не узнал его по волшебному жезлу. (Падает на колени и кланяется) Благодарю за счастливый знак в виде прилетевшей с картины птицы Луань. Благодарю за то, что явился к неразумному страннику в этом диком месте.

Вэньчан. Вставай, я устал смотреть на твой затылок, хочется поглядеть в твои глаза. (Садится) Присаживайся рядом. (Поэт садится напротив) В то утро, когда мейхуа озарила лес алым цветом, ты порадовал меня. В школе ты пытался сочинять стихи по канонам, ты думал о форме, и у тебя ничего не получилось.

Поэт. А в день экзамена я ходил в храм, чтобы просить Вэньчана о помощи и читал стихи, но, увы, не свои.

Вэньчан. Да, стал я бессмертным, на свою голову, все вы меня просите помочь сдать экзамен, но не могу же я всем помогать! Мне по душе, когда вы читаете стихи не для того, чтобы задобрить меня для экзамена, а наедине с собой, когда душа просит. А в то утро ты открыл сердце красоте, стихи сами хлынули туда.

Поэт подобен богам, из разрозненных слов он создаёт гармонию, подобно творцам, создавшим мироздание. Когда ты помог журавлю, я убедился в доброте твоего сердца. Ты говоришь, он был твоим другом. Так чему ты научился у него?

Поэт (*помолчав в раздумьях*). Свободе, господин учитель.

Вэньчан. Так радуйся от того, что он стал свободен. Нельзя всю жизнь держать друга около себя.

Поэт. Я печалюсь от того, что я один, и не с кем поделиться мыслями и стихами.

Вэньчан. Но ведь в лесу не найдёшь друга-человека.

Поэт. Учитель, конечно, прав. Я ушёл от людей, потому что не было средств жить в роскоши, а жить в бедности среди людей унижительно.

Вэньчан. Так что же ты хочешь сейчас? Жить в уединении или среди людей?

Поэт. Я не знаю. Мне надо разобраться в себе. Я не знаю, в чём смысл моей жизни.

Вэньчан. А ты не слышал притчи о смысле жизни?

Поэт. Расскажите, господин учитель.

Вэньчан. Один юноша вроде тебя, спешащий куда-то, спросил просветлённого человека, в чём же смысл жизни. В выборе, ответил учитель, и обрадованный ученик помчался дальше делать правильные выборы, но он не дослушал до конца. (*Вэньчан молча смотрит на поэта, вопрошая. Поэт пожимает плечами*)

А выбор в том, чтобы или жить, радуясь жизни, или потратить жизнь на поиски смысла. Ты боишься жить.

Поэт (*жестом*). Мне бы выбраться сначала из чащобы. Окажите помощь бедному путнику, великий учитель.

Вэньчан. Но куда ты держал путь, пока не услышал пение журавлей?

Поэт. Я бродил без цели. Наверное, я странствовал в поисках сказки, что нашептывал мне журавль, или бамбук, или цветы. Они все что-то шептали мне неведомое. (*Весело*) Наверное, я шёл, чтобы встретить Вас, учитель.

Вэньчан. Ну ты и хитрец, ну что ж, вот и встретил. А шептали они тебе, наверное, о том, что хотят услышать от тебя стихи, так что ты им всем обязан вдохновением. Но ты мне можешь сказать, куда тебя вывести. Кто же может найти твой путь, как не ты сам?

Поэт. Я понял, что я не готов к пути в диком лесу, я боюсь тигров, медведей, змей, я не знаю, как найти тропинку в этих сплетениях деревьев (*показывает рукой*). Я... я хочу на простор, господин, я никогда не видел простор моря, мне неведом запах морского ветра. Ах, господин Вэньчан, приведите меня к морю. (*Падает в ноги к Венчану*)

Вэньчан. Да, в дебрях так же трудно найти дорогу, как и среди людей свой путь. Ну что ж, поэт, ты сделал свой выбор. Дальше будешь идти по жизни самостоятельно. Но знай, старый Вэньчан за тобой наблюдает. (*Последнее слово тянет, подмигивает поэту. Встаёт*) Держись за мой жезл.

Поэт встаёт и кладёт руку на жезл.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

Поэт в пожилом возрасте. Глава пятая. Море.

Звонит сантур или чанг. На сцене туман, слышен ветер. Появляется на экране морской шторм со звуками шторма и прибоя у берег, покрытый галькой. На экране на правой стороне стоит Поэт. Ветер колышет его одежду. Поэт полной грудью вдыхает воздух.

Поэт. Вот оно какое, море! (*Разводит руки*) Покрыто волнами как снежными шапками. Волны как будто хотят достать до небес, но обрушиваются на берег с напрасным упорством.

Поэт в пожилом возрасте. Все воспоминания, от которых я так упорно пытался избавиться в последние месяцы, словно волны, обрушились на меня с новой силой. Я вспомнил об утрате возлюбленной, о грабителях, опустошивших дом, о смерти деда и отца, о предательстве друга.

Поэт. Волны рвутся клоками и бьются о камни,

Словно сбросить хотят оковы

И слезами покрытые снова

Возвращаются в серые дали.

Звучит бурная музыка. Поэт в волнении ходит по сцене, сжимая руки

Волны (*голос издали через грохот волн*). Это музыка для твоей души поэт, для души, для души...

Звучит музыка, передающая настроение волнения, шторма.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Поэт в пожилом возрасте (на экране морской штиль, утро, солнце). В смятении провёл я ночь, а утром ветер стих, море успокоилось.

Поэт. Солнца луч золотит волну, бирюза вокруг – края нет. Жизнь кажется бесконечной, и много радостного ждёт меня впереди.

Ярко солнца лучи,
словно летят – и легки, и нежны.
Парус-сиротка полоскою тонкой
плывёт сюда рядом с солнцем.⁷

Поэт в пожилом возрасте. Что-то изменилось во мне. То, что мучило и терзало меня, то, что загоняло внутрь, рвётся наружу, словно ветер на волю.

Поэт. Я вернусь в свою хижину, чтобы творить, чтобы поведать миру о своей невысказанной боли и о том, что рано или поздно на место бури и мглы приходят умиротворение и свет.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Поэт в пожилом возрасте. Итак, глава шестая. Наедине с бумагой и кистью:

До сих пор я сочинял стихи для себя. Я даже не записывал их, я жил ими, читал журавлю, а теперь я благодаря моим помощникам, кисти и чернильнице, предался искусству отражения музыки стихов на бумаге. Я пренебрегал правилами, строчки появлялись только по зову души. За окном кружились снежинки. Ян устремился вверх, а инь – вниз. И в сознании моём жизнь мысли и чувства разделялись. Я устал спорить со своей тенью и осмелился писать о своей утраченной возлюбленной, о своей жизни, и я впервые пытался осмыслить жизнь.

Свет гаснет. На сцене снова хижина внутри, Луань-няо на картине. Поэт пишет стихи за столиком на экране появляются стихи.

Звучит музыка. На экране возникают стихи об утрате возлюбленной (иероглифы), виден облик возлюбленной поэта.

Поэт в пожилом возрасте. Я вспомнил тот день, когда мы рисовали персиковые цветы в саду, внезапно подул ветер и обдал нас кумачовым водопадом лепестков, я собирал цветы с волос моей Ин, с шёлка её одежды.

Поэт. Тревога ли сокрыта в подёрнутых дымкой бровях?

О нет, не тревога. Скорее – сама безмятежность.

Не проблеск ли радости в чувственных этих очах?

Не радость, увы. А скорее – печальная нежность.

Падают, падают слёзы –

слеза за слезой,⁸

смывая слова на бездушной бумаге...

Музыка замолкает.

Поэт (пишет и говорит). Что правила? Ведь исключений

подчас бывает больше их:

Случиться может – и бесправный,

как деспот, станет зол и лих.

Тот, кто изысканные яства

за трапезой вкушает всласть,

В зловонные притоны может

по воле случая попасть;

Кто свысока глядит на шляпы

не столь влиятельных людей,

В колодках может жизнь закончить,

как злой преступник-лиходей.

Иной исход: совсем недавно

не знал одежды без заплат,

А ныне говорит, что беден

вельможи важного халат!

О, суета сует!

Встаёт.

Когда за правду выдаётся ложь,
тогда за ложь и правда выдаётся,
Когда ничто трактуется как нечто –
тогда и нечто – то же, что ничто!

Садится, записывает.

Я песню в хижине свою пропел – и пыл погас?
Нет, выбрать на арене место
На этот раз
мой пробил час!⁹

На экране облик самого героя в детстве, мать, отец, дед. На экране летит птица Луань-няю. Танец кисточки – танец каллиграфии, полный вдохновения и страсти (на экране или на сцене в зависимости от возможности). Танец заканчивается, поэт встаёт, потягивается, открывает занавес на окне.

Я верю солнцу,
Как отцу;
Как матери,
Луне я верю.
Как сёстрам,
Верю я далёким звёздам,
Как братьям,
Верю я цветам.
Я верю облакам плывущим –
Они мне кажутся друзьями.
Я верю музыке –
Она любви подобна.
Я верю;
Всё на свете – божество,
Я – тоже!¹⁰

Свет гаснет.

Звучит голос матушки. Среди скал, как иглы, вросших в небо
На выступе крутом есть дерево,
Корнями вглубь земли, стараясь прорасти,
Соединяет землю – небо.
Под ним дракон, свернувшись, лёг на отдых
А в кроне вечно молодой
Поёт под шум ветров и рокот речки
Та птица, что зовут Луань.
Она о нас всё знает изначально
О наших странствиях, стремленьях к красоте
И ждёт смиренно, чтобы к людям опуститься,
Когда они найдут гармонию в душе.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

На экране – видео китайского города XVIII века. Звучит музыка.

Поэт в пожилом возрасте. Глава седьмая, последняя. В городе. (На экране изображение богатых покоев, в центре картина с Луань-няю)

Я вернулся в город со свитками своих творений. Я пришёл к своей бабушке, уже и не чаившей встречи со мной. Я просил прощения, и мы оба плакали от счастья. Друзья и родственники с радостью приняли меня, мои стихи переписывали, они, словно осенние листья, разлетелись по Поднебесной. Где бы я ни появился,

о них все знали и даже читали наизусть. У меня появились новые друзья. Я подготовился к экзаменам, успешно сдал их и получил хорошую должность. Наверное, благодаря помощи Вэньчана жизнь налаживалась, через какое-то время я удачно женился. *(Подходит к картине)* В тот день Луань вновь прилетела к нам с картины, чтобы благословить нас. У меня родились дети, жизнь была благополучной, полной городской суеты, волнений. Прошло много лет, дети выросли, внуки выросли, и вы, правнуки, спросили меня, пишу ли я стихи. Но я не написал ни строки за многие годы. Отчего же вы спросите меня, я не пишу? Не хватало времени?.. Да, может быть и так, наверное. Но дело не в этом, вместе с приходом благополучия постепенно и незаметно покидал меня дар творчества. А где же то счастье, что испытал я тогда в одиночестве в бедной хижине, создав своё первое стихотворение по воле небес?.. Сердце затосковало по первозданной чистоте, что спасла меня в минуты отчаяния. Вот опять дует ветер, слышите? Как в ту ночь в хижине. Но я его уже не боюсь, я знаю, что ветер несёт хорошие перемены. И он зовёт меня в путь. Я выполнил долг перед семьёй, и подобно моему давнему попутчику журавлю, пора отправиться в путь...

Звучит музыка странствий. Последующий рассказ происходит на сцене в плохо освещённой комнате.

Поэт в пожилом возрасте. Недавно мне приснился Вэньчан, он вошёл в мою спальню в тростниковом плаще и бамбуковой шляпе, покрытых снегом. Он стряхнул снег, сначала со шляпы, потом с плаща, снежинки закружились над моей головой, словно бабочки, и я следил за их причудливым полётом, радуясь, как малое дитя. Вэньчан, присев у моего изголовья, устремил на меня пристальный взгляд, а я, не смея пошевелиться, словно куколка шелкопряда в коконе, ждал от него вопросов, правильно ли я прожил жизнь. Бессмертный, так и не проронив ни слова, поставил у моего изголовья чашу и исчез. Я пригубил из неё, надеясь выпить волшебного вина или воды, дающей жизнь, но она была пуста. Я долго думал, пробудившись, о значении сна, и понял, что Вэньчан предлагает мне наполнить чашу стихами, а снежинки – вдохновение, что ожидает меня в странствиях. *(Перелистывает последнюю страницу)*

На экране путник идёт по горам или просто движение по горам, синее небо всё ближе и ближе. Звучит музыка. Летит Луань-няо, в руки к поэту падает сверху перо Луань-няо.

Поэт в пожилом возрасте. И вновь, как родник, пробиваются строки.
К Синему Лотосу в необозримую высь,
Город оставив, пойду одинокой тропой.
Звон колокольный, как иней, прозрачен и чист,
Струи ручья – будто выбеленные луной.
Здесь неземным благовонием свечи чадят,
Здесь неземные мотивы не знают оков,
Я отрешаюсь от мира, в молчанье уйдя,
И принимаю в себя мириады миров.
(Поднимает руки, принимая эти миры)
Сердце, очистившись, времени пути прервёт,
Чтобы забыть навсегда и паденье, и взлёт...¹¹
(Протягивает руки, в нём синий огонёк)

Звучит прощальная песня.

Примечания:

¹ Приписано Цюй Юаню. В переводе М.Е. Кравцовой.

² Приписано Цюй Юаню. Отрывок из поэмы «Путешествие в даль» в переводе М.Е. Кравцовой.

³ Ли Цинчжао. В переводе М.И. Басманова.

⁴ Ли Бо. В переводе Л.И. Гитович.

⁵ Тао Юаньмин.

⁶ Бо Цзюйи.

⁷ Ли Бо. В переводе В.М. Алексева.

⁸ Цао Сюэцин. Отрывок из романа «Сон в красном тереме» в переводе И.С. Голубева.

⁹ Сюэцин Цао. Отрывки из романа «Сон в красном тереме», переводы И.С. Голубева и Л.Н. Меньшикова, перевод Меньшикова с редакцией.

¹⁰ Цзун Байхуа.

¹¹ Ли Бо. В переводе С.А. Топошцева.